

Chanson de la faim (Scènes de la Révolution russe
Et la Renaissance du Livre
Paris 1924)

Die hungrige Weise (Das Fabelbuch 21. 7. 23 B)

Голодная пѣсня

Если что еще и бодрить духъ мой, это скорбь.

И эта скорбь связываетъ меня съ міромъ. Скорбь же даетъ мнѣ право быть.

Мои гости — бѣда и несчастье. И глаза мои — къ слезамъ, какъ мои уши — къ стону. А сердце дышетъ болью.

И я знаю, торжествующій и довольный никогда не постучитъ въ мою дверь. Я знаю, ко мнѣ придетъ только съ бѣдою.

И самъ я возвращаюсь съ воли всегда потрясенный, съ затаенной болью отъ встрѣчъ.

*

Вотъ говорятъ, Петербургъ гнилой и туманный, нѣтъ, въ Петербургѣ бываютъ дни ослѣпительные.

И въ такіе дни, когда все такъ ярко и ясно, моей душѣ особенно больно.

Въ Прощеный день по обѣднѣ шелъ я по Старому Невскому.

Было такъ вотъ ярко — заморозки, рѣзкій вѣтеръ, рѣжущее солнце. Путь мнѣ былъ долгій. На другой конецъ шелъ я. Мысли — съ ними не расстаюсь я въ моей неволѣ — думы мои о дѣлахъ человѣческихъ, о бѣдной жизни нашей, о судьбѣ проклятой и человѣкъ, не родившемся еще человѣкомъ, вольныя, свертывались онѣ въ жгутъ и рѣзче вѣтра, больнѣе рѣжущаго солнца неслись въ моей душѣ.

Funken (Petersburger, X 295. 25. 10. 24. P)

Искры

Тяжко на разоренной землѣ.
Родина моя!
Душа изболѣла.
Если бы были такія могилы, куда бы клали живыхъ,
— я бы легъ.

Душа не оступѣлая, душа не задохнувшаяся въ мертвыхъ тискахъ, еще живая ищетъ чудесъ.

И въ этомъ послѣднее спасеніе ея. Хочетъ воплотить не бывшее, но всѣмъ сердцемъ желаемое и всѣмъ духомъ требуемое.

Посмотрите, какъ бьется живая, какъ пляска-птица живая въ рукахъ, и смотрится въ ночь, не мелькнетъ ли?..

Но нѣтъ свѣта.

Ни откуда не свѣтитъ.

Неразумная, есть свѣтъ и этотъ свѣтъ вѣчно горитъ изнутри, изъ тебя же самой!

Ты жаждешь, хочешь приблизить срокъ, твори же изъ мысли своей.

И вотъ возсталъ и бродитъ по Руси призракъ великаго чаянія истинной вѣры, истинной свободы.

Если-бъ поджечь цѣльнымъ огнемъ, какіе-бъ запалили костры!

III

Бѣлое сердце

Ждалъ я трамвая.

Никакъ не могу войти: висятъ, толкаются. Трамваевъ десять пропустилъ и все неудача.

Вижу, старуха стоитъ, какъ и я, ждетъ. Древняя бабушка. Посмотришь на такое лицо, и кажется, вѣкъ оно такимъ было, — вѣкъ была бабушка бабушкой: морщинки маленькія, беззубая и очень добрая. Я посмотрѣлъ попристальнѣе: терпѣливо стоитъ, и видятъ ли что усталые глаза? Да, увидѣли.

— Не оставь меня, — сказала бабушка, — вмѣстѣ поѣдемъ на трамваѣ. Никакъ не могу попасть.

— Хорошо, — говорю, — поѣдемте, только долго намъ стоять тутъ: толкаться не хочу, висѣть...

— Сохрани Богъ! — перебила меня бабушка.

Да, бабушка видѣла, что не одна она.

Съ нами барышня стояла, и по всему было видно, что она съ нами. Но барышня больше не могла выдержать, и когда подошелъ еще трамвай, вдругъ перемѣнилась — и куда дѣвалась вся ея кротость! — стала сама трамвайной, и вижу — повисла.

А наше дѣло было отчаянное, хоть пѣшкомъ иди.

— Пойдемте, бабушка.

— Не дойти.

Étoiles (S. d. la R. russe)

Звѣзды

Знаете, на Васильевскомъ есть такой домъ сѣрый, тѣсный, изъѣденный жильемъ, а во дворѣ направо и налево хлопающія, визгливыя двери и полутемныя скользкія лѣстницы — идешь и прилипаешь.

И всякій день по такой лѣстницѣ Вѣра въ училище ходитъ, разнося на ногахъ лѣстничную склизь и погань.

И не знаю, зачѣмъ эта липкая погань, спертое тѣсное жилье, когда такъ широко ходятъ по чистому небу чистыя звѣзды, и по нашей же землѣ суровой прозрачныя текутъ ручьи —

зачѣмъ эти нечистыя, сѣрыя отъ паутины рѣдкія лѣстничныя окна, просаленныя желѣзныя перила — —

Знаю, и золоченыя перила и мраморныя ступени не отведутъ отъ обреченной души тернистаго ея пути: вся изобьется, изноетъ и у самыхъ прозрачныхъ источниковъ и даже тамъ на звѣздномъ чистѣйшемъ просторѣ,

но я никогда не могъ примириться и съ этой нашей гложущей болью липкихъ лѣстницъ и желѣзныхъ перилъ, за которыя хватается рука, когда отъ отчаянія подкашиваются ноги.

И также знаю, будь мои слова огнемъ — огнею огня, мои слова не прожгутъ суроваго человѣческаго сердца,

Этот Забор (Архивный Забор, № 6.1.24 W/10)

Заборы

Послѣ скотской зимы пришла весна —

Она наперекоръ безнадежности и отчаянію вдругъ пришла такая нежданная, обрадованная и такая громкая — не запомнять! — съ шумомъ и звономъ ломающихся тяжелыхъ, какъ чугуна, льдовъ и исчезающихъ хрупкихъ льдинокъ, пришла внезапная — сѣверная съ изсиневато-чернымъ вороновымъ небомъ, общающимъ теплые дни, и съ теплыми сверкающими днями, сулящими звѣздную пѣсенную ночь.

Я видѣлъ, проходя по улицамъ, какъ самое закоузлое, загнанное на зимовье въ тараканы щели — за суровую-то нашу зиму все тараканье, всѣ тараканы покинули насиженное свое жилье, уступивъ его человѣку, который вѣдь все вынесетъ, все вытерпитъ, какъ и все сожретъ! — я видѣлъ, какъ закружась — это съжившееся, забитое, зашеленное и оскотѣвшее принимало человѣческой образъ, видѣлъ улыбку переставшаго улыбаться сосѣда, слышалъ добрый его окликъ — смотрѣлъ и не вѣрилъ, слышалъ и не признавалъ.

Неизгладимую сохранию я память о единственной веснѣ чудесной.

Но не только отъ чудесъ превращеній и пѣсни, прогрѣвшейся тогда весенимъ громомъ — о разорванныхъ оковахъ, волѣ, мечтѣ и томящей любви — и не потому, что самъ я, зиму живя, какъ скотъ, какъ звѣрь самый пещерный, вдругъ, ужъ издыхая, ощутилъ

весеннее тепло и мое затихающее сердце забилося со всей землею — съ сердцемъ лѣсовъ, полей и горъ — звѣря, рыбъ и птицъ —

чувство необычайное, острѣйшее пронзило все существо мое.

И это чувство раскололо дни.

Я что-то понялъ и человѣка благословилъ съ его дерзающей мечтой.

*

Шелъ я на Васильевскомъ по Большому Проспекту, несъ тяжесть — гниль мороженную мокрую себѣ въ кормъ: капусту или еще какую помойную погань — драгоценность большую.

День несолнечный пасмурьемъ успокаивалъ слѣпые глаза мои, на душѣ теплилось кротко.

Не глядя, шелъ я привычно.

И вдругъ визгъ отдираемыхъ досокъ точно ударилъ меня — доламывали послѣдній заборъ.

И я сразу все увидѣлъ, весь Большой Проспектъ и такъ далеко — до самого моря.

И не узналъ —

Я не узналъ привычную дорогу.

Широкая открылась моимъ глазамъ воля.

Это заборы, которые тѣснили улицу, — не было больше заборовъ: садами шла моя дорога.

Это мечта моя расцвѣла въ явь садами.

Я помню, точно ощеренные, съ прогнившими досками заборы — заборъ и подъ заборомъ упавшаго человѣка, когда всѣ двери передъ тобой захлопнулись, а калитки и ворота подъ замкомъ заперты крѣпко;

и эти проклятыя стѣны, отгораживающія человѣка отъ человѣка — самодовольная свинья хари, выглядывающія изъ-за заборовъ на твою бѣду и отчаяніе;

проклятія твоего безсильнаго сердца;

И вот скрипнула дверь и со свѣчей появился Павелъ въ пустой церкви. Одежду онъ сбросилъ на паперти и непокровенный твердо шелъ къ царскимъ вратамъ.

— Отрокъ.

— Отроковица.

Такъ выстукивало сердце.

Старцы прильнули къ своимъ шелкамъ — Павелъ поднимался на амвонъ — и въ разъ пискнувъ, оба упали безъ чувствъ.

Не забыть Павлу этой ночи, — какіе страхи мерещились ему въ пустой церкви! — едва до утра дожиль.

А на утро, когда пришли служить заутреню и выпустили Павла, въ алтарѣ у царскихъ вратъ нашли двухъ старцевъ, ужъ бездыханныхъ, Пахомія и Пафнутія: на лицѣ ихъ былъ восторгъ, а въ незакрытыхъ глазахъ умиленіе, и отъ ихъ бранныхъ останковъ исходило какъ бы нѣкое благоуханіе.

1919 г.

*Die Schlange (Prager Presse, X309. 9. 11. 24 P)
de serpent (Revue Russe X15. 1. 8. 25. P)*

Змѣя

Это было въ тѣ далекія времена, когда земля наполовину лежала пуста, а пустыри были покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. По узкимъ глухимъ тропинкамъ проходили одинокіе путники, стараясь держаться теченія рѣкъ, и такъ брели отъ города до города и отъ села до села.

Однажды въ воскресное утро шелъ по такой тропинкѣ блѣдный изнуренный странникъ, весь перевязанный широкимъ полотенцемъ. На поворотѣ рѣки лицо его изобразило ужасное отчаяніе, и онъ со стономъ припалъ къ водѣ.

Шедшій навстрѣчу путникъ поспѣшилъ къ нему на помощь, помогъ ему подняться и усадилъ на камень.

Странникъ разсказалъ ему про свое горе.

Многія сотни верстъ прошелъ онъ по землѣ, а несесть онъ въ себѣ большую змѣю: когда-то въ дѣтствѣ во снѣ заползла ему змѣя въ горло и съ тѣхъ поръ питается его пищей, и жажда его неутолима.

— И не знаю я, — сказалъ странникъ, — какъ мнѣ отъ змѣи освободиться. Ищу я человѣка, который бы помогъ мнѣ или такого мудраго лѣкаря, который бы заклѣялъ змѣю.

Выслушавъ добрый человѣкъ, посѣтовалъ на злую судьбу, но указать ничего не могъ и пошелъ своей дорогой.

А странникъ, отдохнувъ, продолжалъ путь.

Онъ никуда не пошелъ — да и куда итти? — онъ навсегда остался въ брошенной кельѣ.

А та женщина, какъ и раньше, говорила одно и то же всѣмъ встрѣчнымъ:

— Идите направо, тамъ живетъ затворникъ цѣлитель и чудотворецъ.

И путники, стражда, заходили въ келью, а покидая келью, уносили миръ истерзанной душѣ.

1919 г.

Panna Maria (Arasa N15 19.11.23)
Panna Maria (Kewele Wlas N7, 9.4.25 P)

Панна Марія

Въ нашемъ краю бѣдныя села, маленькіе города и болота.

Изрѣдка между деревьевъ мелькнуть кресты костела и кучей сѣрья халупы затѣснять по краю болота.

Жидкій унылый звонъ въ воскресенье жалобой томить душу.

Въ бѣлыхъ платкахъ, какъ бѣлыя птицы, русыя дѣвушки и женщины какъ бы плывутъ, туманясь, по протопаннымъ тропинкамъ къ нашему старому костелу темному и низкому, вросшему въ землю.

Какъ хорошо на землѣ, гдѣ цвѣтутъ яркіе цвѣты и полно дышитъ солнце, но ничѣмъ незамѣнна и эта щемящая тоска болотъ и тумановъ и унылаго воскреснаго звона.

Когда кончилась служба и ксендзь пошелъ въ исповѣдальню, пани Ядвига упала передъ нимъ на колѣни; жалуясь на несчастную судьбу: опять у нея бѣда съ коровой, и только что ребятъ накормить, а на масло и не хватаетъ.

— Стыдись, — остановилъ ее ксендзь, — ты докучаешь Богу жалобами о своихъ пустякахъ. Бери примѣръ съ панны Маріи: она ослѣпла при рожденіи и, будучи прекрасной, какъ ангель, поетъ въ костелѣ или играетъ на органѣ и хвалитъ всегда Іисуса, Его Пресвятую Матерь. Отъ нея не услышишь горькаго слова, только благодарить Создателя и славословить.

И раздѣлилась вся братія на хвостовыхъ и безхвостыхъ.

Началось-то какъ-будто понарошну, а кончилось позаправду: и хвостовые и безхвостые стали укорять другъ друга въ самыхъ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ и не глазъ-на-глазъ, а норовя при богомольцахъ.

И былъ большой соблазнъ.

Лисій молча считалъ минуты жизни, а кругомъ галдѣло: съ хвостомъ онъ или безхвостый? Трудныя были его минуты, а его ни на мгновение не оставляли въ покоѣ, его тормозили: усомнившіеся и не только изъ братіи, но и изъ богомольцевъ, входили въ келью и подѣ всякими предлогами искали у него хвостъ.

И когда послѣдняя минута наступила и ужъ безъ всякаго стѣсненія покойникъ былъ тщательно осмотрѣнъ, хвоста, какъ и надо было думать, никакого не оказалось посторонняго. Дѣло этимъ не кончилось; поднялся другой споръ: что Лисій святой или грѣшный?

По крайней мѣрѣ сутки галдѣли; и чего ужъ грѣха таить? и разодрались и окровавились, и въ концѣ концовъ Лисья святость перетянула: самъ игумень былъ на ея сторонѣ.

Въ благоговѣйномъ молчаніи совершалось погребеніе.

Многіе плакали.

Накрытый воздухомъ лежалъ въ гробу Лисій, и изъ-подъ воздуха выдѣлялось носатое застывшее нечеловѣческое лицо.

Полная блѣдная женщина въ бѣломъ платкѣ стояла сиротливо за гробомъ и съ нею двѣ дѣвочки, закутанныя въ сѣрые вязаные платки, въ рукавичкахъ, востроносенькія и рыженькія — лисята.

1919 г.

*Gone out (The Slavonic Review) 4/6, London 24)
Von ihm neu ge gangen (Deutsche Rundschau) 17
1924B*

Изошелъ

1.

Кто хоть разъ сживалъ за каменными стѣнами губернскаго острога, знаеть Ивана Парфеныча Голубкова. Знають его и судейскіе и всѣ прокуроры и самъ тюремный инспекторъ Волковъ, который курить сигары изъ яшмоваго мунштука — даръ Османа-паши.

Безъ пяти годовъ полсотни лѣтъ стукнуло на Аграфену Ивану Парфенычу, а такъ дашь ему не больше тридцати — румяный, кудрявый и вся борода въ мелкихъ колечкахъ. Жаль, ростомъ не вышелъ, за то въ ширь пошелъ.

Съ десяти онъ въ тюремной канцеляріи, узкой и длинной, за своимъ столомъ, обложенный бумагами.

Шуршить, вертить, записываетъ.

— Эхъ, вы, голубчики, острожные мотыльки!

А помощники начальника кругомъ похаживаютъ, ископа на него поглядываютъ, какъ въ самой сказкѣ красншапошной, ждуть: разобравъ бумаги, дасть Иванъ Парфенычъ каждому подходящее, каждому втолкуеть, что и какъ дѣлать и съ какою бумагою.

Народъ, вѣдь, все легкій, разброштивый, и чѣмъ бы въ дѣло вникать, всякъ норовить какъ бы въ кинематографъ пройти или переметнуться въ картишки.

Безъ Ивана Парфеныча все дѣло пропало бы, Иванъ Парфенычъ — извѣстно!

и такъ же вошла петля какъ-то ужъ само собой на шею —

Что-жъ еще?

— Ну — -- прощай!

И оттолкнулъ ногами стулъ.

И тамъ, надъ бумагами, гдѣ никогда не свѣтила лампа, точно въ насмѣшку, въ самый ясный осенній полдень, зачался вмѣсто лампы, какъ темная лампа, спокойный и ясный Голубковъ.

1919 г.

Крестикъ (Зво поше Риндсдан, 48)
1924 Д

Крестики

Жизнь моя померкла. Одинъ я остался на свѣтѣ, И никому не нуженъ. Да и мнѣ никого не надо. Влachu дни въ постыломъ трудѣ, чтобы зачѣмъ-то еще тянуть на землѣ.

А ей Богу спокойно бы померь.

Главное, что не вижу никакого просвѣта — такая впереди ровнина и конца ей нѣтъ.

Не рвусь никуда, какъ раньше. Да и некуда. И знаю, отъ своей судьбы не уйдешь.

Мѣрно колышется возъ. Между оглоблей тощая ребрастая кляча, наклонивъ голову, тянетъ его изъ послѣднихъ... Гдѣ надежды? А вѣдь я родился не оглодкою. Гдѣ идеаль? И не сухаремъ росъ я. Гдѣ строительство жизни? Вѣрилъ въ какую-то справедливую жизнь, на созданіе которой и я положу мой камень... И вотъ слышу свистъ кнута да понуканье:

— Но-но, ты! Кляча!

А въ послѣдней моей надсадкѣ, какъ въ насмѣшку, мнѣ видятся кони и тутъ гдѣ-то близко посвистываетъ московскій ямщикъ:

— Эй, вы, голуби!

А какіе кони? Кони — кляча. И какой ямщикъ? Первый, кто захочетъ, у кого есть хлысть.

Вечеромъ, вернувшись со службы въ свою пустую неудобную комнату къ своему письменному столу —

— Нѣтъ, живая душа жива!

Въ тюрьмѣ въ канунъ казни она отдала мнѣ свой темный крестъ, гордая, какъ въ первый разъ, когда я ее встрѣтилъ.

А имя ея — Марія.

*

Золотой крестъ со створкой для мощей...

Еще золотой съ выравненными цвѣтами...

Серебряный съ синими камушками...

Гдѣ вы уста, которыя меня цѣловали?

Гдѣ вы, нѣжныя руки, обнимавшія мою шею?

Сморщенные, держите ли вы клюку или успокоились на вѣки?

Встрѣтимся ли мы когда и узнаемъ ли другъ друга?

Или пройдемъ мимо, какъ теперь прохожу я, никого не замѣчая?

И если суждена встрѣча, пощадите мое сердце — мое сердце отъ любви истекало кровью!

1917.

*Unseres "stille Leben" (München-Küsterstr. 19)
1923. B*

Жизнь неслетельная

I

У каждаго человѣка своя судьба. И всякому воть эта самая судьба и велить надѣть рясу или форменный сюртукъ, хочешь или не хочешь. А не покорится который, погибнуть ему и стоять у голодаевского кабака съ ручкой.

Такъ ужъ положено и всѣ такъ идуть.

Всѣ-то, всѣ, да не Иона Петровичъ.

Иона Петровичъ Боголѣповъ человѣкъ особенный и судьба его особенная, онъ не въ счетъ.

Быль Иона достопримѣчательностью нашего города.

А городъ, вы знаете, какой у насъ? Цѣлый день по улицѣ никто и не пройдетъ. Изрѣдка барбосъ полкановскій пробѣжить — и окошки отворять посмотреть на него. И только вечеромъ, часовъ въ девять, чиновники направляются кто въ клубъ, кто въ трактиръ. Да по утру въ ранній часъ кухарки бѣгутъ на базаръ.

Лѣтомъ жара да духота, не приведи Господи. Выйдешь на улицу, такъ тебя и ошалюмить: глаза выдѣзутъ, потъ градомъ, пыль столбомъ, терпѣть невозможно. А если въ полуденный часъ заглянешь въ окошко къ столяру Бабухину, сидитъ столяръ у окошка, воротъ разстегнуть, на головѣ мокрая тряпка и самъ икаетъ. Господи Боже, силъ нѣтъ!

„Мальвина, — шептал онъ, — я искалъ тебя всю мою жизнь, я только и думалъ о тебѣ, Мальвина!“

И вдругъ бѣлая руки сзади обняли его и онъ поплылъ — онъ проплылъ надъ кроватью, надъ туалетнымъ столикомъ, надъ одеждой, завѣшанной старою заплатанной простыней, и очутился надъ подоконникомъ.

Тихо распахнулось окно.

Еще мигъ и онъ выскользнетъ на волю, тамъ перевернется.

„Мальвина, — шептал онъ, — я нашелъ тебя, Мальвина! Какъ прекрасно въ Божьемъ мѣрѣ, Мальвина!“

Утренникъ дыхнулъ и все порвалось.

Ни Мальвины, ничего, и только носъ Петровны, напоминавшій куриную архіерейскую часть, повсхлывалъ прямо ему въ лицо.

Утро было сырое, шелъ дождикъ.

Напившись противнаго овсянаго какао, Семеновъ сиротливо сидѣлъ въ трамваѣ незамѣтный и съжившійся — на свѣтъ глаза не глядѣли бы! И вдругъ на поворотѣ вспомнилъ весь свой сонъ и на сердцѣ такъ заиграло, словно было ему лѣтъ двадцать, а подъ шляпой на голой головѣ шапка кудрей.

И какимъ завиднымъ, единственнымъ въ мѣрѣ представился ему Отдѣлъ, заваленный дѣлами, гдѣ вотъ сейчасъ встрѣтитъ онъ ужъ на яву свою Мальвину.

1918 г.

Die Frauen in den Kreuze (Martin Birsen Courier
№107, 1921 a
Das Mädchen von den Kreuze (Der Daseinsk. №34 1922
Bsp)

Крестовая барышня

Только любовь неизмѣнна.

И это истинная правда, что это такъ. И думаю я, въ послѣднія минуты земли нашей, при послѣднемъ ея издыханіи, одна не замретъ и не замерзнетъ любовь.

Надежда Дмитріевна мало чего еще понимала въ жестокомъ вѣкѣ нашему и любовь она не могла оцѣнить, но ужъ думать думала, и въ тайникахъ думъ своихъ представляла любовь, и, пожалуй, вѣрно — въ самой сути ея неизмѣнной.

И вѣрила, что такъ и есть.

И всегда будетъ.

Глаза у нея небесные.

Вы спросите ихъ:

„Что вы видите?“

И они отвѣтятъ:

„Видимъ мы Божій мѣръ — цвѣты цвѣтутъ, звѣзды сияютъ, милые сердцу проходятъ по землѣ люди“.

„А дурные? И все это злое, злоба человѣческая, измѣна — вы испугались?“

По утру, какъ итти на службу, свернетъ Надежда Дмитріевна съ Симбирской и къ Происхожденію Честныхъ Древей зайдетъ, поставитъ свѣчку Божьей Матери и молится — такъ молятся цвѣты и звѣзды.

А неказистая служба у Надежды Дмитріевны — въ Крестахъ.

Придетъ въ канцелярію, повѣситъ на колокъ кофточку да шляпку и за дѣло: возьметъ одну большую книгу, возьметъ другую и замелькаютъ Иваны, Петры да Сидоры — арестантовъ она записываетъ.

И бѣгаетъ перо — сжаты бѣлые пальчики — писать безъ конца.

А какая у нея рука!

Подойдетъ помощникъ начальника, прапорщикъ Эдингардъ, забудетъ, что и сказать хотѣлъ, а другой помощникъ плѣшакъ Звѣздкинъ такъ тотъ только губой чмокаетъ, тычася по угламъ.

А Надежда Дмитріевна знай пишетъ, да изъ стакана холодный чай отхлебываетъ. Она не понимаетъ, чего это стоитъ Эдингардъ и смотреть, и о Звѣздкинѣ она не понимаетъ, чего топчется да чмокаетъ: и Эдингардъ и Звѣздкинъ не больше трогаютъ ея сердце, чѣмъ эти казенныя большія книги.

Цѣлый день за книгами и въ этомъ вся служба.

А бывають тяжелые дни — очередныя дежурства. И тогда сидитъ она до семи за перегородкой и записываетъ отвѣты новыхъ арестантовъ, которыхъ опрашиваетъ дежурный помощникъ.

И потому, что это очень трудно — вѣдь, надо не пропустить ни одного слова и все должно быть точно! — и потому еще, что слова-то эти и обыкновенныя, да вѣдь тотъ, кто произносить ихъ, въ неволю идетъ, такіе дни тяжелы.

И всегда измученная съ беспокойнымъ сердцемъ пугливо возвращается Надежда Дмитріевна домой.

Чуетъ сердце, что въ мірѣ неладно, и боится сказать, и жалко ей —

Если бы было и каждому изъ насъ хоть немного жалко другъ друга, не было бы никакихъ безжалостныхъ Крестовъ!

Былъ сѣрый дождливый день, когда смеркается рано и сумерки несутъ тоску.

Дежурнымъ былъ помощникъ Головтеевъ.

На его дежурствѣ всегда бывало очень трудно; и безтолковъ — и спрашиваетъ, и отвѣчаетъ совсѣмъ не то — и какъ мга какая, безразличный.

А тутъ еще и арестантовъ навели тьму тьмущую.

И вотъ среди первыхъ опросовъ о фамиліи изъ потемокъ услышала Надежда Дмитріевна голосъ:

— Графъ д'Оран-д'орень.

И это такой былъ голосъ, — стукнуло маленькое сердечко: или почувало? или что вспомнило? — прямо ей въ душу.

А когда у загородки сталъ высокій молодой арестантъ, она поняла, что это онъ.

И заиграло на сердцѣ.

Это онъ, о комъ она мечтала, ея рыцарь, туманный всадникъ, мчавшійся по розовому полю въ ея тайныхъ дѣвичьихъ розовыхъ снахъ.

Какъ быстро онъ отвѣчалъ на вопросы и какъ воздушно прошелъ, когда старшой Юматовъ грубо окликнулъ:

— Ну, поидемъ!

И въ дремѣ передъ сномъ въ ту ночь вдругъ всплыли передъ ней знакомые глаза и голосъ повторять:

„Графъ д'Оран-д'орень“.

А сердце, окропленное любивявленскою водой, забилось въ перебой: д'Оран-д'орень.

Вы спросите глаза ея, въ нихъ органъ гремитъ.

„Отчего вы пѣвучи такъ?“

И они отвѣтятъ:

„Есть въ Божьемъ мірѣ любовь и любовью запѣта земля, оттого и поемъ“.

Дверная ручка

Есть въ большихъ городахъ вещи, къ которымъ я отношусь съ суевѣрнымъ почтеніемъ, — напимѣръ, дверная ручка.

Когда мнѣ приходится входить въ богатый многолюдный домъ и у зеркальной двери дотронуться до орѣховой ручки въ мѣдной обоймѣ, я невольно вздрагиваю.

Въ этомъ домѣ въ третьемъ этажѣ живетъ профессоръ, безвозвратно провалившій меня на экзаменѣ. Не живутъ ли тутъ и мои кредиторы? Или мой смертельный врагъ? Впрочемъ, враговъ у меня нѣтъ, — слишкомъ ничтожное мѣсто занимаю я въ жизни. Но недоброжелатель?

По-моему, каждую ручку наружной двери по истеченіи двадцати лѣтъ, хотя бы обломокъ, нужно сдавать въ музей на храненіе.

Подумать только, сколько народу касалось ну хоть вотъ этой ручки — задумчивыхъ, размашистыхъ, рѣшительныхъ и робкихъ рукъ!

Маленькая дѣвочка тянула ее обѣими ручонками.

Съ отчаяніемъ брался за нее подростокъ, возвращаясь съ двойкой изъ училища.

Съ затуманенными глазами, ничего не видя, держалась за нее убитая неудавшейся судьбой дѣвушка.

Съ тихимъ отчаяніемъ медленно поворачиваль ее чиновникъ, лишившійся мѣста.

Сколько припомнилось разбитыхъ надеждъ и любви — какой обманутой! какой горючей!

Вещи живуть, внушаютъ — вы слышите? вы чуете? — и только ослы да заводныя чучелы проходятъ мимо равнодушно.

1918 г.

Die Kamelien (P. Bruck N 383, 26.11.14)
P.

Трамвай

Какъ только наступаетъ весна, всѣ бѣгутъ изъ столицы. Зачѣмъ? Развѣ небо не то же? А солнце въ деревнѣ другое свѣтитъ? Или не то, что жечь пыльный, горячій асфальтъ?

Воздухъ . . .

Но за то ни въ какой деревнѣ я не слышу трамвая.

Какъ гордо и смѣло, какъ сказочный рыцарь на турнирѣ, несется впередъ побѣдоносный трамвай, звеня и щелкая! А вожатый, напоминающаго капитана корабля, какъ спокойно и увѣренно держится за ручку мотора!

Увѣренно ясно къ намѣченной цѣли летитъ трамвай.

И въ этомъ гордомъ движеніи притягательность его неизяснима, сколько старанія прилѣпиться къ нему, повиснуть, схватиться за мѣдныя ручки!

А сколько счастья стоять на передней площадкѣ и смотрѣть, какъ у тебя подъ ногами съ мѣшками и корзинами мечется толпа и прохожіе, безпомощные и жалкіе, поднимая носы, глядятъ.

Чувствуешь себя выше.

И всякій, кто, ступивъ съ тротуара, взберется на площадку трамвая, уже окрѣпъ духомъ: онъ смѣлъ и увѣренъ, — онъ мчится впередъ.

164

Но это еще не все.

Вы вступаєте въ вагонъ, — тамъ новые люди и новая жизнь.

А какія встрѣчи, разговоры!

Вотъ дождикъ захлесталъ по стекламъ, а вы спокойно внутри, — вы презираете и дождь.

Да, воздухъ . . .

Деревенскій воздухъ и жиръ сливокъ и масло, но и какое изнуреніе отъ погодныхъ заботъ и потерь!

А тутъ — смотрите! — какая лента женскихъ лицъ, начиная со стрѣльчатоокой смуглянки и нашей сѣверной золотоотливной косы и кончая уродомъ.

Трамвай остановился.

И если входилъ я одинокимъ, не одинокимъ выхожу я.

Нѣтъ, никогда ни зимой, ни лѣтомъ я не покину города: однимъ своимъ трамваемъ наполняетъ онъ силою мой духъ, а быстрый трамвайный его бѣгъ придаетъ мнѣ смѣлость, а мгновенная улыбка случайныхъ встрѣчъ радуетъ мое безрадостное сердце.

Сдавленные камнями перспективы или безграничность полей съ грустью и тихой мечтой. Нѣтъ, это не мое, только тутъ на камняхъ я живу со всѣмъ ожесточеніемъ и остротою, а тамъ — только томлюсь.

1918 г.

165

— Али не солоно?
Марфуха не прочь и еще помѣшать. А онъ изъ
рукъ у нея эту ложку какъ хватить, да ложкой.

шуни да буни,
да солоно буди!

Самъ приговариваетъ:

— Да солоно буди!

Солоно пришлось бабѣ: зряшному слову не вѣрь!

1919 г.

*Zeitlicher
Kwas-Sagen (Wasserkocher, WS 3.2.24)*

Съ кваскомъ

Чѣмъ не плохъ Копыль — и хозяйство и домъ! —
а ладу въ семьѣ нѣтъ и нѣтъ: лупиль Петръ Анисью,
не дай Богъ.

А за то и лупиль, что ужъ баба-то больно словата:
на слово безпремѣнно два слова жди, а чтобы смол-
чать, — никакъ.

Ну, не выдержать Петръ да въ кулаки.

Не успѣтъ у Анисьи синякъ слинять, новый го-
товъ — Петровъ-то кулакъ во! — вся-то баба синющая.

Не житье было, каторга.

*

Проходилъ тѣмъ селомъ странникъ, зашелъ къ
Копыламъ — Петра-то дома не было — Анисья и ну
жаловаться.

— А ты бы, умница, и смолчала! — присоветоваль
странникъ.

— Какъ бы не такъ! Придетъ окаянный изъ лѣсу,
зарычить, звѣрь звѣремъ: и обѣдь давай, и онучи
неси, и лошади сѣна дай! Да что я — десять рукъ у
меня? — не разорваться-жъ!

А потомъ, какъ сердце-то выговорила, и говорить:

— Ты, божій человекъ, все знаешь: не знаешь ли
вотъ заговора, какъ бы усмирить его, чтобы не очень-
то дрался. На квасокъ не пошепчь ли аль на воду?

Странникъ подумалъ чего-то, посмотрѣлъ на Анисью.

— Знаю, — говорить, — пошепчу, пожалуй, тебѣ
на квасокъ.

— И ему испить дать?

— Ничего не давай! Какъ прѣдетъ да начнетъ бра-
ниться, возьми этого квасу въ ротъ и держи во рту,
не глотай, не выплевывай! Какъ рукой снять, —
перестанетъ драться.

Нацѣдила Анисья квасу ковшь, пошепталь надъ ков-
шомъ странникъ, попрощался и пошелъ своей дорогой.

*

Осталась Анисья одна, ужъ не знаетъ, куда и ковшь
дѣвать, квасокъ сбережъ — не простой, нашептанный,
глоткотыкъ.

„Вотъ прѣдетъ мужъ, живо она ему глотку за-
ткнетъ, перестанетъ драться!“

А Петръ ужъ ѣдетъ — звѣрь-звѣремъ.

Переступилъ порогъ.

— Подавай обѣдь, — рычить, — поворачивайся!

Анисья такъ бы ему и ляпнула — эка, поворачи-
вайся! — да успѣла кваску хлебнуть, какъ странникъ
училъ, а ужъ съ кваскомъ: квасокъ — молчокъ!

А онъ, знай, оретъ.

„Чего орешь? — такъ бы и крикнулось, — щи не
упрѣли!“

А молчить, молча вынула щи изъ печки, поставила
на столъ.

Ѣсть Петръ, самъ лютѣй-люти, звѣрѣй-звѣря, не
можетъ сдержаться, такъ жену и кроетъ: еще бы —
не щи, помои!

И пошли.

И прямо къ дому.

И не знай, узнали Ефимовъ домъ.

А Ефимъ-то какъ въ бѣдѣ жилъ да въ бѣдности, по бѣдѣ своей помнилъ о другихъ, а какъ богатъ сталъ, только и дума пошла, что о себѣ — о богатствѣ своемъ: и добро уберечь да еще и богаче стать.

И пройти въ домъ къ нему и не думай!

Такъ ни по чемъ не пустять.

А ужъ голь какую, бѣдноту — и не просись, за версту не подпустять!

Угодники-то прошли все-таки: Божья сила тоже.

А который Ефиму прислужалъ главный — мордачь — загородить входъ.

— Вамъ, — говорить, — чего?

— Пусты, — просятъ, — переночевать, люди мы странные, издалека!

— Не велѣно, — говорить, — велѣно взашей такихъ гнать, — а потомъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, — ну, ладно, такъ и быть.

— Да ужъ мы какъ-нибудь, только бы ночь.

Мордачь ихъ во дворъ, водилъ-водилъ и въ хлѣвъ — къ свиньямъ.

— Ложитесь!

И ушелъ.

Только и видѣли.

*

Чуть свѣтъ — какой тамъ сонъ! — какъ поднялись угодники со свинячьяго-то ложа, испачканы, измазаны, сердце-то сдержать не въ мочь.

— Господи, — взмолились, — отыми отъ Ефима богатство!

Богъ-то и послушалъ.

И чѣмъ былъ Ефимъ, тѣмъ и сталъ.

Все прахомъ пошло, вся казна, и добро и домъ.

И опять пошелъ въ плотники.

И въ бѣдѣ-то и нуждѣ маяся, милостивъ опять сталъ и до того добръ къ людямъ: коли нѣтъ чѣмъ дѣлиться, дѣлился ласковымъ словомъ, — да такъ и прожилъ свой вѣкъ не въ обиду, на миръ.

1919 г.

Вс Fund (Sir Monty Morgan, 2. 7. 23
N1

Находка

Жиль-былъ дѣдъ и было у дѣда двое внучатъ. Дѣдъ пасъ скотъ, внучата въ школу бѣгали.

Пристали ребятишки, просятъ дѣда:

— Дѣдушка родимый, сходи за насъ въ школу, мы за тебя пасти будемъ.

А былъ дѣдъ до внучатъ жалостливъ и согласился: забралъ сумку да книжки и въ школу.

А внучата скотъ въ лѣсъ погнали — то-то забава!

Кончилось въ школѣ ученье, стали расходиться по домамъ, пошелъ и дѣдъ —

— за книжкой-то сидѣть, не скотъ пасти!

Идетъ дѣдъ дорогой, споткнулся, глядь — мѣшокъ. Посмотрѣлъ въ мѣшокъ, думалъ, такъ чего, а тамъ — деньги.

Вотъ такъ находка!

„То-то, — думаетъ, — ребятишкамъ теперь гостинцу закупить, будетъ праздникъ!“

Съ находкой и вернулся домой.

А тамъ и внучата вернулись изъ лѣса, изморились —

— скотъ пасти, не книжку читать!

Дѣдъ имъ ни слова, и никому.

А прошель день, стали по селу искать:

— Не нашель ли кто мѣшка съ деньгами?

Книги Алексѣя Ремизова

- ПОСОЛОНЬ. Сказки. Съ рис. Н. П. Крымова. Изд. „Золотое Руно“. М. 1907 (*Распродано*).
- МОРЩИНКА. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1907 (*Распродано*).
- × ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Изд. „Оры“. Спб. 1907 (*Распродано*).
- ПРУДЬ. Романъ. Изд. „Сириусъ“. Спб. 1908 (*Распродано*).
- × ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Говосіева повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. Изд. „Сириусъ“. Спб. 1908. Въ 25-и им. экз.
- × ЧАСЫ. Романъ. Изд. „Eos“. Спб. 1908 (*Распродано*).
- × ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разказы. Изд. „Eos“. Спб. 1908 (*Распродано*).
- РАЗСКАЗЫ. Изд. „Прогрессъ“. Спб. 1910 (*Распродано*).
- СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 8-ми томахъ съ портр. автора съ рис. М. В. Сабашникова. Изд. „Шиповникъ“ — „Сиринъ“. Спб. 1910—1912 (*Распродано*).
- × ПОДОРОЖІЕ. Разказы. Изд. „Сиринъ“. Спб. 1913 (*Распродано*).
- × ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Изд. „Сиринъ“. Спб. 1914 (*Распродано*).
- × ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. Разказы. Изд. „Сиринъ“. Пгр. 1915 (*Распродано*).
- ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Разказы. Съ рис. Н. К. Рериха. Изд. „Отечество“. Пгр. 1915 (*Распродано*).
- × УКРѢПА. Сказки. Изд. „Лукоморье“. Пгр. 1916 (*Распродано*).
- × СРЕДИ МУРЬЯ. Разказы. Изд. „Сѣверные дни“. М. 1917 (*Распродано*).
- НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказанія. Скл. изд. „Парусъ“. Пгр. 1917 (*Распродано*).
- НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ. Николины притчи. Изд. „Колось“ (Коробейникъ № 10). Пгр. — М. 1918 (*Распродано*).
- × РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Сказки. Изд. „Скифы“. Пб. 1918 (*Распродано*).
- СТРАННИЦА. Повѣсть. Изд. „Революц. Мысль“. Пб. 1918 (*Распродано*).
- × О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ. Слово. Съ рис. Е. Туровой. Изд. „Сегодня“. Пгр. 1918 (*Распродано*).
- СНѢЖОКЪ. Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. „Сегодня“. Пгр. 1918 (*Распродано*).
- × СИБИРСКІИ ПРЯНИКЪ. Сказки. Изд. „Алконостъ“. 1919.
- ЭЛЕКТРОНЪ. Отъ словъ Гераклита Ефесскаго. Изд. „Алконостъ“. Пб. 1919.
- БЪСОВСКОЕ ДѢЙСТВО. Представленіе. Изд. ТЕО. Пб. 1919.
- ТРАГЕДИЯ О ІУДѢ. Изд. ТЕО. Пб. 1919.
- × ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. Театръ. Изд. „Алконостъ“ — „Госизд“. Пб. 1920.
- × ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ. Изд. „Алконостъ“. Пб. 1920.
- × ЦАРЬ ДОДОНЪ. Сказка. Съ рис. Л. Бакста. Изд. Обез. Вел. Вол. Пал. Пб. 1921.
- ×